

ДИСКУССИОННАЯ ТРИБУНА

М. Э. Рут

МАТ В ЛЕГЕНДАХ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Тема отношения к так называемым матизмам (даже термин появился!¹⁾) стала весьма популярной в последние годы в самых различных социальных средах: о мате пишут ученые, публицисты, о мате устраивают дебаты в школах и университетах и т. п. И это не удивительно: что бы ни говорили, мат в последнее время все активнее становится фактом нашей языковой культуры (если после этого можно говорить о таковой) и нашего речевого узуса (по крайней мере, уже никого не удивляет мат в стенах университетов, в разговоре юноши и девушки в трамвае, в болтовне ребятишек на детской площадке). Автор этих строк, выросшая отнюдь не в рафинированной интеллигентской среде, могла на собственном опыте наблюдать, как проникает мат в обыденную речь деревенского и поселкового социума: скажем, тридцать лет назад ни один старожил деревни не позволял себе матерного слова в беседе с незнакомым человеком и даже просто в его присутствии, сейчас же положение резко изменилось. В 1966 году, готовясь выехать на фольклорную практику в рабочий поселок Нижняя Салда, мы, студентки-первокурсницы, с опаской представляли себе, каково это – собирать фольклор в уральской глубинке: «Девочки, там, наверное, в наших записях одни купюры будут!» Страхи не оправдались – ни бабушки, певшие нам свадебные песни своей юности, ни разбитные бабенки, прямо на наших глазах на ходу сочинявшие частушки, ни только что вышедший из запоя старичок-сказочник (мы долго ждали, когда запой у него пройдет – слишком соблазнительно было записать его сказки, которыми он, по рассказам знакомых, развлекал всю артель на покосе каждую ночь) – никто не заставил нас в смущении опустить блокнот, потому что каждый из наших информантов не представлял себе, что можно материться в присутствии городских молоденьких девушек. Я не говорю уже о том, что никогда не слышала матизмов ни от подруг, ни от молодых людей с нашего факультета, а какого-нибудь пьяненького гражданина, начавшего

материться в трамвае, тут же останавливали, и, как правило, он замолкал. Тем более трудно было себе представить, чтобы мат зазвучал из уст официального лица: кондуктора, продавца, кассира, проводника. Впервые мне довелось услышать такое только в 1990 году – в Москве! (на Урале до этого не приходилось).

Сейчас остается только морщиться, когда слышишь, как молодая мамаша «нежно» характеризует своего упавшего малыша словом, которое не только неуместно с позиций прежней речевой культуры, но и чисто логически никак не может быть отнесено к почти младенцу, даже если это дитя женского пола; когда в маршрутном такси некто вполне приличного вида, говоря по сотовому телефону, весьма громогласно предлагает собеседнику идти по известному адресу, раз уж тот не может обеспечить ожидаемые производственные успехи в фирме; когда милая девочка с гуманитарного факультета радостно сообщает подружкам, что зачет-таки сдала, хотя не знала... – словом, совсем ничего не знала. Нет смысла доказывать, что так говорить нехорошо, потому что мат защищен многочисленными прецедентами своего употребления в широких общественных кругах (что стоит, например, телевизионная программа «Окна», где любой сюжет заканчивается нецензурной бранью, которая глушится для телезрителей, но, предполагается, звучит в студии), потому что выходят словари, где на обложке сакраментальное слово из трех букв набрано золотом², – и твои увещевания все равно останутся твоим личным мнением, прислушиваться к которому никто не обязан.

В чем причина столь победного шествия мата через социумы? Что привлекает к нему не только молодежь, но и утонченную интеллигентскую элиту? Существует ряд легенд, как бы узаконивающих матоупотребление в широких слоях населения.

Первая легенда. Мат был запрещен в советское время, теперь, наконец, можно говорить свободно. Эта легенда помещает борьбу за «разрешение» мата в контекст борьбы за свободу слова и печати, снятие железного занавеса, гласность. Ср.: «...Мы пили водочку и сжигали наш словарь. Первый наиболее полный словарь русского мата. Сожгли один экземпляр. Сожгли другой. Да призадумались... Решили: по одному экземпляру хранить у себя, а пятый, оставшийся – подарить на юбилей нашему другу, поэту и балагуру, человеку надежному.

Может быть, сейчас наше действие покажется странным, непонятным. Шел 1973 год! Если бы в то время узнали о нашем словаре в компетентных органах и на службе, за милую душу вышвырнули бы с работы, а может, и похлеще что-нибудь придумали. Конечно, это были не сталинские времена, но и тогда, в 60–70-е, мы успели почувствовать на собственной шкуре когти властей, когда за вольнодумство, нестандартность творчества был разогнан городской литературный клуб, или когда одного из нас едва не исключили из аспирантуры только за то, что он прочел по телевидению стихотворение, посвященное французскому («буржуазному») художнику Анри Матиссу, не согласовав свое выступление с парткомом института.

Ну, а тут, представляете, толковый словарь мата, а в авторах-составителях – молодые ученые, педагоги. Ату их!

И вот – костер в эмалированном тазу. Спасая себя, мы спасали тогда и сам словарь»³.

Прошу прощения за столь обширную цитату, но очень уж показатель-но в ней представлены приемы романтизации борьбы за право на мат: включение ее в контекст диссидентских ценностей – кухонные беседы «под водочку», огонь – пусть даже и в эмалированном тазу, который пощадил по воле авторов их детище (о, «рукописи не горят»!), вольнодумство и ли-тературный клуб, стихи и Матисс (там мат, очевидно, тоже пригодился), «чуть не» исключение из аспирантуры, словарь, написанный «в стол»... После этого как не задуматься о высоком предназначении лексической нецензурщины в борьбе против любой цензуры!

Конечно, этот миф не выдерживает самой элементарной критики: борь-ба с матом началась отнюдь не при советской власти, и это легко опровер-гается и русской нормативной лексикографией, и нашей классической литературой, свободной от мата. Поддержанием полуторавековой тради-ции, а не советским произволом объясняется отношение к мату в начале и середине XX века.

Правда, у ревнителей мата наготове сразу уже другая легенда: мат был всегда, и Пушкин его употреблял, и Толстой, и Достоевский, ср.: «На-стоящей сенсацией стали постперестроечные публикации русской клас-сики. Широкая читательская масса с изумлением узнала, что Пушкин, Лермонтов, Тургенев, Чехов пользовались матом, кто в стихах, кто в част-ных письмах»⁴. Это распространенное положение, правда, и легендой-то не назовешь: почему взрослых людей должно удивлять, что носителю рус-ского языка известен этот языковой пласт. «Изумляться» такому может не «широкая читательская масса», а разве что ребенок, которого по не-опытности потрясает, что великие мира сего тоже едят, пьют, спят и т. д. Нет сомнений, что все русские люди владеют матом, естественно, что в своих письмах и художественных произведениях, не для «широкой чи-тательской массы» предназначенных, наши поэты и писатели могли себе позволить ненормативную лексику (что находило отражение в академи-ческих изданиях), но здесь как нельзя уместнее кажется перефразировка слов Р. Гамзатова о пьянстве:

[Материться]

...можно всем.

Необходимо только

знать: где, когда и с кем,

за что и сколько.

А ссылки на Пушкина и Лермонтова напоминают плаксивое ребячье: «Да, Колька вон матерится, а мне почему нельзя?»

Легенда третья. Мат – часть русской культуры, он пропадает, исчеза-ет, надо его сохранить, защитить. «Мы присутствуем при последних судоро-гах русского мата?»⁵ Полноте! Языковой факт не исчезает и не возника-ет по велению свыше. Нет смысла спорить с тем, что мат существует. Можно о нем говорить с возмущением или с восхищением – он останется, покуда его существование отвечает законам языка. И хотя роль мата во вре-мени меняется, место для него в языковой системе существует. В прасла-вянскую эпоху мат, как и брань в более широком понимании, существо-вал в качестве сильнейшего магического средства: матерные заклятия были атрибутом многих обрядов (например, земледельческих, свадебного, свя-

точных и т. п.), применялись как охранные слова от нечистой силы, при родах и т. п.⁶ Христианство вступило в борьбу с языческими обрядами и в том числе с матерными словами, оставив их лишь как последнее, крайнее средство инвективы против врагов истинной веры. В остальных случаях после принятия христианства на Руси матерные слова становятся запретными, недопустимыми в обычной речи. Ср. определения в словаре В. И. Даля, автора первого словаря *живого* великорусского языка: **Матерный**, похабный, непристойно мерзкий, о брани; **Матерность**, **матерщина**, непристойность, мерзкая брань; **Матерник**, похабник, непристойный ругатель; **Сквернословить**, вести непристойные, заторные, постыдные речи; срамно, похабно ругаться; **Сквернословие**, срамословие⁸. Интересно наблюдение В. И. Даля, согласно которому «акающие русаки (ряз., тул., орл., кур., тамб. и пр.) первые сквернословы; в окающем говоре (сев., вост.) такого сквернословия не услышишь»⁹ – ведь северно-русские территории более устойчиво сохраняют традиционный русский уклад и традиционную русскую культуру. Хочется также обратить внимание на то, что слово *скверный* происходит от *скверна*, которая в словаре В. И. Даля толкуется в том числе и как «все богопротивное». Другими словами, матерщина богопротивна, мерзка и непристойна – так считает В. И. Даль и так, очевидно, считал и русский народ, зеркалом языка которого традиционно признается далевский словарь.

Тем не менее на протяжении долгих лет существования русский язык и русский народ о мате не забыли. Растеряв свою магическую силу, но до сих пор обладая очень сильной негативной выразительностью, мат оказывается уместным и даже необходимым в ситуациях стрессовых. Не случайно многие оправдывают разгул мата в нашей речи утверждением: «У нас сейчас время такое, что нельзя не материться». Не случайно многие, начиная с М. Горького, связывают особое распространение матерщины в речи с веками татаро-монгольского ига. Однако частое употребление матерщины снимает ее «антистрессовую» силу: войдя в привычный речевой узус, матерное слово лишается яркой экспрессивной окраски и превращается в слово-паразит.

Другое дело, что мат никуда не исчез и пока не просто не исчезает, но распространяется в полную меру. Поэтому вряд ли стоит говорить о словарях мата на той высокой возвышенной ноте, на которой говорят о своих трудах деятели obscene лексикографии: скажем, включение в третье издание далевского словаря, предпринятое И. А. Бодуэном де Куртене, некоторых obscene слов, отсутствовавших в прижизненных изданиях, объявляется его «научным подвигом»¹⁰, а факт отсутствия в вышедшем огромным тиражом русском переводе «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера наиболее «крепких» obscene слов (спасибо Б. А. Ларину!) расценивается как «трагичная судьба obscene этимологии»¹¹ и т. п. Характерно, что при этом авторов и апологетов obscene словарей несколько не волнует судьба русской диалектной лексики, которая действительно исчезает, унося за собой многие страницы русской традиционной культуры, – они, кажется, диалектные словари читают только для того, чтобы найти в них obscene слова, при этом сетуя, что записанные народом и у народа эти словечки имеют несколько иное значение, чем это им, знатокам русского мата, представляется¹².

Думается, что нет смысла развивать работу по «спасению» русского мата, которая сейчас только в еще большей степени оправдывает засоренность обценной лексикой современного русского языка.

Легенда очередная видит в мате необъятные языковые богатства. Принято восхищаться многозначностью матерных выражений и слов, их способностью обозначить практически любое явление, ср., например: «Еще Достоевский писал, что русский человек может выразить всю гамму своих чувств при помощи одного неприличного слова»¹³. Учитывая обращение к столь авторитетному первоисточнику, позволим себе обширную цитату из Ф. М. Достоевского:

«Гуляки из рабочего люда... ходят по праздникам пьяные, иногда толпами, дают и натываются на людей – не от буянства, а так, потому что пьяному нельзя не наткаться и не давить; сквернословят вслух, несмотря на целые толпы детей и женщин, мимо которых проходят, – не от нахальства, а так, потому что пьяному и нельзя иметь другой язык, кроме сквернословного. Именно этот язык, целый язык, и я в этом убедился недавно, язык самый удобный и оригинальный, самый приспособленный к пьяному или даже лишь к хмельному состоянию, так что он совершенно не мог не явиться, и если бы его совсем не было – *il faudrait l'inventer*. Я вовсе не шутя говорю. Рассудите. Известно, что в хмелю первым делом связан и туго ворочается язык во рту, наплыв же мыслей и ощущений у хмельного, или у всякого не как стелька пьяного человека, почти удесатеряется. И потому естественно требуется, чтобы был отыскан такой язык, который мог бы удовлетворить этим обоим, противоположным друг другу состояниям. Язык этот уже спокон веку отыскан и принят во всей Руси. Это просто-запросто название одного нелексиконного существительного, так что весь этот язык состоит из одного только слова, чрезвычайно удобно произносимого»¹⁴. Приведенная цитата позволяет несколько поправить утверждение В. Ерофеева: не «русский», а пьяный человек только и может, что сквернословить и с помощью единственного слова выразить все свои чувства. В последующем описании разыгравшейся перед писателем жанровой сценки Достоевский, виртуозно избегая цитат из этого «однословного языка», демонстрирует свой вариант прочтения «оживленной» беседы между четырьмя пьяницами. Думается, современный читатель без труда представит себе вполне адекватный вариант такой беседы – правда, не обладая талантом Достоевского, можно и не угадать за сей лексической монотонностью того богатства чувств, которое усмотрел гений (а может, просто сам придумал – как-никак, мастер слова). К тому же при всем высказанном восхищении и Достоевский, судя по его же словам, не выдерживает: «Помилуйте! – закричал я им вдруг, ни с того ни с сего (я был в самой середине толпы). – Всего только десять шагов прошли, а шесть раз (имя рек) повторили! Ведь это срамеж! Ну, не стыдно ли вам?»¹⁵. И разве не прав Федор Михайлович? Разве не «срамеж», что, «несмотря на целые толпы детей и женщин», можно упражняться в применении одного и того же «похабного» и «мерзко непристойного» слова для выражения тех нескольких эмоций, которые доступны пьяному человеку. Стоит ли этим восхищаться?! И так ли уж восхищается этим Достоевский?

Тот ореол исключительной выразительности, которым сейчас окружают бытующий в нашей речи в изобилии мат, не соответствует положению вещей. Унылое повторение одного и того же слова в качестве вводного,

бессменное выражение, используемое в качестве оценки любой ситуации, лишь обедняют наши мысли и наши эмоции. Кроме того, исходная циничная семантика матерных слов срывает покров с тех отношений, которые не нуждаются не только в подобном срывании, но и в огласке вообще. Современное стремление доказать, что у нас есть секс, причудливым и далеко не безопасным образом объединилось со стремлением продемонстрировать, что мат у нас тоже есть, хотя оба эти факта не нуждаются (и не нуждались!) в особом подтверждении: и секс всегда был, только считалось, что это не публичное действо, как сейчас, и матерщина существовала, хотя и считалось, что это срамные слова, которыми неприлично выражаться при женщинах и детях.

Гораздо интереснее и богаче явление, связанное с отказом от употребления матерных выражений – это эвфемизмы, созданные на базе мата, демонстрирующие разнообразие языковых средств и великолепные навыки языковой игры. Именно на языковой игре основаны и знаменитые «матерные загибы», в которых важным было не количество употребленных матизмов, а виртуозное вплетение их в гибкую многословную фразу, которую еще и выпалить нужно было на одном дыхании. Ни один из современных носителей мата на это, увы, не способен – бедна у него слова мастерская.

Очень устойчиво представление о том, что мат «нам строить и жить помогает». «С матом советские солдаты шли в атаку против нацистов (и без мата тоже шли. – М. Р.), а советские хоккеисты побеждали канадских»¹⁶ (очевидно, теперь хоккеисты материться разучились; может, им в тренеры кого-нибудь из авторов обценных словарей назначить, и все будет в порядке?). В. А. Блинов и Ф. А. Шевелев в предисловии к своему словарю повествуют о заслуженном строителе, с матом требующем у работницы по имени Шурапа при растворомешалке раствору: «Конечно, можно было бы заслуженному строителю побереечь слух и вкус обывателя и сказать примерно так: “Шурочка, организуй, пожалуйста, подачу раствора!” Ухмыльнулась бы Шурапа, послала подальше Буравлева и продолжила бы тары-бары со своими товарками. И заметьте, идущие внизу горожане не обижаются на эти матерные вопли: дело мастер делает, дом строит!»¹⁷ (непонятно, как «идущие внизу горожане» догадывались, что мастер там дом строит, а не просто куражится по пьянке, и что помешало Шурапе «послать» мастера и в ответ на его «матерные вопли» – может, тут дело все-таки в уважении к действительно заслуженному строителю, которое помогало простить ему хамское поведение по отношению к женщине; да и дисциплина несколько странная на участке у заслуженного строителя – все-таки там «дом строят» или «тары-бары» ведут?).

Впрочем, как уже отмечалось, мат, как и любое экспрессивное слово, может вывести человека из стрессовой ситуации. Трудно требовать от людей, находящихся в таковой, соблюдения общепринятых норм речевой культуры. Так (извините за параллель), общепринятые правила требуют от человека контроля за своими естественными отправлениями, и человек, будучи в физическом здравии и полном сознании, эти правила соблюдает. Однако всякие бывают ситуации... Слава Богу, пока никто не догадался эти ситуации запечатлевать, собирать в фотоальбомы, издавать их с должной помпой, чтобы люди не забыли ненароком, как это получается,

или никто не подумал, что народ у нас без определенных процессов в организме прожить может.

Внимание к мату уже дает свои плоды. Уже приходят на сайт Gramota.ru письма-запросы любознательных девочек о том, как правильно употреблять и писать матерные слова (цитировать, простите, не хочется). И ведущие сайта подробно и обстоятельно, не стесняясь в цитации, объясняют им, как определить спряжение у матерного глагола, попутно чуть ли не извиняясь, что в нормативных словарях таких глаголов нет, и приводят ссылки на словари, где такие слова отражены (развивайся, девочка!), и не скупятся на дополнительные примеры, чтобы ребенку понятно было и запас его словарный обогащался. Может, правда, это просто провокация со стороны задающего вопрос? Если даже так, как легко на эту провокацию поддаются интернетные охранители нашей языковой грамотности! И матизм из «непечатного» слова становится легальным, практически литературным.

Совсем недавно в телевизионном интервью меня спросили (явно желая поймать на слове), что я выкрикиваю, если мне вдруг на ногу падает, например, молоток или кастрюля с кипятком. И в глазах ведущего, очень милого и интеллигентного молодого человека, появилось явное удивление и недоверие, когда я ответила, что обхожусь без матерных слов в таких случаях. Ну, почему он ожидал, что даже почтенная дама, филолог по профессии, без мата прожить не может?! Я вот от него такого не ожидала.

Наш литературный язык богат, разнообразен и могуч в выражении богатства, разнообразия и могущества продуктов нашего мышления. На протяжении двух с половиной веков со времени своего создания он вполне обходился без матизмов, не проигрывая при этом в выразительности. Стоит ли идти по линии наименьшего сопротивления и отказываться от изощренности словесного воплощения мысли во имя матерного однообразия? Стоит ли вводить похабное слово в семейный, дружеский, интимный речевой обиход? Стоит ли, снисходительно или даже восхищенно улыбаясь, принимать матерное словцо за «коммуникативную удачу», даже если коммуникация действительно состоялась? Многие интеллигентные люди нашего времени охотно отвечают на эти вопросы положительно. Что ж, господа и особенно дамы! Вольному воля. Только не станет ли матерщина сокрушительным напалмом для нашей языковой и духовной культуры, стерев своим циничным могуществом мощь чистого русского слова?

¹ См., напр.: Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской брани (матизмы, общенезмы, эвфемизмы). СПб., 2003.

² См.: Плущер-Сарно А. Большой словарь мата. СПб., 2001. Т. 1. К счастью, название тома, представленное на обложке, не отражено в библиографической справке.

³ Блинов В., Шевелев Ф. Русский народный мат: Толков. слов. Екатеринбург, 2002. С. 5.

⁴ Ерофеев В. Царство мата // Моск. новости. 2004. 23–24 июля. С. 16.

⁵ Там же.

⁶ Об этом см.: Славянские древности: Этнолингвист. слов.: В 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. 1. С. 250–252.

⁷ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.; СПб., 1881. Т. 2. С. 308.

⁸ Там же. Т. 4. С. 195.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Дуличенко А. Д. Язык и тело: К познанию потаенного // Плущер-Сарно А. Большой словарь мата. Т. 1. С. 37.

¹¹ Плущер-Сарно А. Большой словарь мата. Т. 1. С. 73. Надо отметить (и, судя по дальнейшим высказываниям автора, это известно и ему), что ничего «трагичного» в этой судьбе нет, поскольку в немецком издании все фасмеровские obscene этимологии представлены, к тому же в «Этимологическом словаре славянских языков», издаваемом РАН, они тоже присутствуют.

¹² См.: Там же. С. 72.

¹³ Ерофеев В. Царство мата.

¹⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Т. 21. С. 108.

¹⁵ Там же. С. 109.

¹⁶ Ерофеев В. Царство мата.

¹⁷ Блинов В., Шевелев Ф. Русский народный мат: Толков. слов. С. 10.

**Д. Я. Ойхер,
Е. Ю. Машкова**

ПОКОЛЕНИЕ NEXT ВЫБИРАЕТ... ПИВО?

За последние годы потребление пива в нашей стране приняло массовый характер и продолжает расти. Можно говорить об изменении

(расширении) алкогольных традиций, среди которых пиво заняло особое место между трезвостью и злоупотреблением крепкими спиртными напитками. В течение последних пяти лет ежегодные объемы продаж пива увеличиваются на 20 %. Телевидение, газеты, городские щиты заполнены рекламой этого продукта.

Употребление пива насаждается практически во всех возрастных и социальных категориях населения, при этом особую тревогу специалистов вызывает широкая распространенность этого явления в подростковой среде.

Наркологи говорят об изменении в последнее время структуры наркологических расстройств у подростков. Наряду с некоторым снижением количества пациентов, употребляющих наркотики, отмечается существенный рост алкогольных проблем среди несовершеннолетних, причем именно за счет злоупотребления пивом. Возник и получает все большую известность термин «пивной алкоголизм». Нам хотелось бы привлечь внимание к проблеме ранней алкоголизации, рассмотреть психологические механизмы злоупотребления пивом, путь, приводящий к формированию зависимости и дезадаптации личности.

Материалом для данной статьи, продолжающей начатый журналом разговор, послужил анализ историй болезней подростков, получивших помощь в детско-подростковой наркологической службе психиатрической больницы № 31 за 2002–2004 годы.